

Численность и размещение крепостных крестьян на Европейском Севере России в конце 1850-х годов

С. А. Попов

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
serj_popov@mail.illhkomisc.ru

Аннотация

В процессе реализации реформы 1861 г. в ряде уездов северных губерний региональные власти столкнулись с затруднениями, вызванными малым количеством помещичьих владений, которые не только были разбросаны по их территории на значительном расстоянии, но и являлись мелкопоместными. С целью отражения общей картины расселения крепостного населения на Европейском Севере России автор обратился к анализу количественного состава числившихся накануне отмены крепостного права в Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерниях категорий крепостных и особенностей их расселения. Исследование основано на статистических данных, содержащихся в опубликованном труде А. Тройницкого, а также в делопроизводственной документации Министерства внутренних дел, Вологодского и Олонецкого губернаторов. В основе этих материалов лежали результаты проведенной в 1858 г. X народной переписи (ревизии). В результате было установлено проживание здесь пяти групп крепостного населения, среди которых существенно преобладали помещичьи крестьяне и дворовые люди. Выявлено, что основная концентрация крепостных наблюдалась в Вологодской губернии, в то время как в Архангельской они практически отсутствовали. Наивысший их процент был сосредоточен в трех юго-западных уездах Вологодской и двух южных уездах Олонецкой губерний. Оставшаяся часть была разбросана по шести уездам первого и четверем уездам второго регионов.

Ключевые слова:

X ревизия (1858), Европейский Север России, Архангельская губерния, Вологодская губерния, Олонецкая губерния, крепостное население, помещичьи крестьяне, крестьянство

Реализация реформ 1860-х гг. заключалась, в том числе, в реорганизации института управления податным населением. Одной из задач преобразований являлись устройство сельских обществ и волостей, а также формирование мировых участков. Осуществлялись намеченные планы поэтапно: сперва в помещичьей (1861), затем удельной (1863) и, наконец, в государственной (1866) де-

The number and location of serfs in the European North of Russia in the late 1850-s

S. A. Popov

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
serj_popov@mail.illhkomisc.ru

Abstract

In the process of implementing the 1861 reform, in a number of uyezds of the northern provinces, regional authorities encountered difficulties caused by the small number of landowners' possessions, which were not only scattered over their territory at a considerable distance, but were also small-scale. In order to reflect the general picture of the settling of the serf population in the European North of Russia, the author turned to the analysis of the quantitative composition of the categories of serfs listed on the eve of the abolition of serfdom in the Arkhangelsk, Vologda and Olonets provinces and the specifics of their settlement. The study is based on statistical data contained in the published work of A. Troinitsky, as well as in the office documentation of the Ministry of Internal Affairs, the Vologda and Olonets governors. These materials were based on the results of the X People's Census (revision) conducted in 1858. As a result, it was established that five groups of the serf population lived here, among which landowner peasants and household people significantly prevailed. It was revealed that the main concentration of serfs was observed in the Vologda province, while in the Arkhangelsk province they were practically absent. The highest percentage of them was concentrated in three southwestern uyezds of the Vologda province and in two southern uyezds of the Olonets province. The remaining part was scattered across six uyezds of the first and four uyezds of the second region.

Keywords:

X revision (1858), European North of Russia, Arkhangelsk province, Vologda province, Olonets province, serf population, landowner peasants, peasantry

ревнях. В свою очередь, законодательную базу указанных нововведений составили Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, и Положение о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях [1, 2].

Исполнение поставленных задач в губерниях Европейского Севера России началось, как и в целом по стра-

не, с территорий проживания крепостного населения. В основе формирования указанных административно-хозяйственных единиц лежал территориальный принцип, заключавшийся в стремлении сохранить целостность помещичьих имений и количественный состав податного населения. Реализуя поставленные задачи, местным властям необходимо было не только соблюсти указанные в нормативных актах требования, но и уравнивать в области управления различные группы временнообязанных крестьян. Однако особенности демографической ситуации в регионе, а именно численность и размещение бывших помещичьих крестьян, влияли на осуществление этих мероприятий. Так, например, при формировании мировых участков Вологодское и Олонецкое губернские по крестьянским делам присутствия столкнулись с затруднениями, связанными с малым количеством помещичьих владений в ряде уездов, которые не только были разбросаны по их территории на значительном расстоянии, но и являлись мелкопоместными [3]. Последнее обстоятельство заключалось в том, что имения составляли небольшие участки земель с незначительным количеством крестьян. Также при открытии сельских обществ региональная власть столкнулась с проблемой отсутствия в ее распоряжении необходимой информации о крепостных в уездах. Подобная ситуация произошла в марте 1861 г. в Вологодской губернии. Приступив к формированию сельских обществ в регионе, губернское присутствие было вынуждено отложить эти мероприятия в Яренском и Усть-Сысольском уездах. Причина – недостаток в его распоряжении точных сведений о проживавших здесь крестьянах, приписанных к частным заводам [4, л. 1].

Описанные случаи позволяют рассуждать, что комплексное исследование реализации реформы 1861 г. в помещичьей деревне Европейского Севера России требует обращения к анализу демографической ситуации в регионе. Характеристика численности крепостных и их размещения по уездам Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний позволит не только представить общую картину расселения сельского населения, но и обосновать причинно-следственные связи возникавших затруднений в организации институтов управления крестьянством.

Историография демографической ситуации в среде сельского населения на Европейском Севере России накануне и после отмены крепостного права достаточно обширна. Одни исследователи, занимаясь процессами развития народонаселения, целенаправленно уделили внимание изучению динамики численности крестьянства [5–8]. Другие историки обратились к количественным показателям податного населения, анализируя ход подготовки и реализации в губерниях региона Великих реформ 1860-х гг. [9, 10]. Значительная часть специалистов представила общую картину демографических процессов в сельской местности в русле изучения истории крестьянства и крестьянской общины [11, 12; 13, с. 43–45, 330–346]. В центре внимания авторов находились вопросы, раскрывающие темпы роста населения, их половозрастной и этнический состав, принадлежность к социально-правовым группам землепользователей, уровень грамотности,

принципы расселения и др. Заметим, что в большинстве работ анализ представленных сюжетов производился или в целом по сельскому населению северных губерний, или отдельно по помещичьим, удельным и государственным крестьянам. В свою очередь, до 1861 г. крепостные подразделялись на несколько групп сельских жителей. В предлагаемой статье рассмотрены количественный состав числившихся в северных губерниях накануне отмены крепостного права категорий крепостных крестьян и особенности их расселения.

Исследование основано на статистических данных, представленных в труде А. Тройницкого [14], а также сохранившихся в делопроизводственной документации Министерства внутренних дел (далее – МВД), Вологодского и Олонецкого губернаторов. Последние были выявлены в фондах Российского государственного исторического архива. В основе этих материалов лежали результаты проведенной в 1858 г. X народной переписи (ревизию). Ее целью являлось подсчитать потери значительной «убыли в народе»: с одной стороны, вследствие Крымской войны, с другой – из-за массовой смертности по причине эпидемий и неурожаев [15]. Отдельно отметим первый труд, автором которого являлся непреременный член Центрального статистического комитета (далее – ЦСК), заведующий его статистическим отделом А. Тройницкий. Он не только опубликовал ведомости о численности крепостного населения в России, но и сопроводил их собственными пояснениями и выводами. Несмотря на то, что в сочинении представлена информация, извлеченная из перечневых ведомостей казенных палат о X народной переписи, его по праву можно считать результатом деятельности статистического отдела ЦСК. Как отметил автор, открывшиеся «при взаимном сличении и проверке ведомостей, несходства в подробностях и итогах, равно как и не полноты и недоразумения, относительно различных видов крепостных были, по возможности, исправлены, пополнены и разъяснены, чрез сношения с казенными палатами и с начальниками губерний» [14, с. IV].

Приступая к реализации поставленной цели, укажем разряды крепостных людей, зафиксированные X ревизией населения на территориях Российской империи [подробнее см.: 14, с. 7–23]. Сельские обыватели «крепостного или несвободного состояния» распределялись по трем основным группам крестьянства: помещичьи; принадлежавшие разным ведомствам и приписанные к частным заводам и фабрикам. Каждая из них объединяла несколько категорий населения. К первой относились лица, состоящие, во-первых, на общем крепостном праве – это помещичьи крестьяне и дворовые люди, а во-вторых, – на условном крепостном праве. К ним относились владельческие ординацкие, поиезультские, ленные и крестьяне, подлежащие обращению в казну по конфискации. Все они были распространены в западных губерниях империи. Во вторую группу объединялось сельское население, проживавшее на землях учреждений и недворянских сословий. В середине XIX в. первые были представлены благотворительными и воспитательными учреждениями (Московский попечительный комитет Императорского Человеко-

любивого общества, Московская Голицынская больница, Московский комитет о просящих милостыни и др.) и Ведомством коменданта С.-Петербургской крепости. Также сюда причислялись города, церкви и монастыри западного края. Отличие этой категории землепользователей от многочисленных разрядов так называемых приписных крестьян, состоящих на казенном праве, – ведомства владели ими на помещичьем праве. Из недворянских сословий крестьянами обладали однодворцы (однодворческие крестьяне) и обельные¹ вотчинники (обельные крестьяне). Третья группа была представлена крестьянами, приписанными к частным заводам и фабрикам на владельческом и посессионном правах.

На Европейском Севере России, под которым нами понимаются территории Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний, в результате X ревизии населения были выявлены не все из представленных категорий крепостных. Особенностью региона являлось преобладание среди податного сословия государственных крестьян. По данным авторов «Истории северного крестьянства», к концу 1850-х гг. в трех губерниях проживало 625,6 тыс. ревизских душ. Казенные крестьяне составляли 453,7 тыс. чел., или 72,6 % всего сельского населения. На помещичьих крестьян приходилось 108 тыс. душ, или 17,4 % от общей доли землепользователей. Из них 95 % были сосредоточены в Вологодской губернии и лишь около 5 % – в Олонецкой; в Архангельской они практически отсутствовали [16]. В анализируемый период, по сведениям А. Тройницкого, в регионе проживали следующие группы крепостного населения: помещичьи крестьяне, дворовые люди, обельные вотчинники и лица, принадлежавшие Московскому попечительному комитету Императорского Человеколюбивого общества и к частным заводам на посессионном праве. Численность их с распределением по уездам губерний представлена в табл. 1.

Обратим внимание, что, в отличие от первой группы, раскладка данных по уездам двух других категорий в источ-

нике не представлена. Отметим также, что отраженная в использованном труде статистика признавалась правительством как официальная. В частности, в направленной 30 апреля 1861 г. Вологодскому, Вятскому и Олонецкому губернаторам записке министра внутренних дел указано: «По составленному на основании официальных сведений и изданному Центральным СК МВД статистическому исследованию "Крепостное население в России по 10-й народной переписи" по Олонецкой губернии числится помещичьих крестьян в уездах: Вытегорском – 1984 души; Лодейнопольском – 2803 души; в Петрозаводском – 161 душа; Повенецком – 36 души; в Каргопольском – 30 душ» [17, л. 12 об.–13]. Эти показатели соответствовали цифрам о мужском населении, приведенным в таблице. С другой стороны, отдельные сведения не совпадали с материалами, которыми оперировал в своем фундаментальном

Таблица 1
Численность и состав крепостных крестьян на Европейском Севере России по X ревизии (1858)
Table 1
Number and composition of serfs in the European North of Russia according to the X revision (1858)

Губерния / уезд	Группы и категории крепостного населения									
	Помещичьи крестьяне на общем крепостном праве				Принадлежавшие ведомствам, учреждениям и недворянским сословиям				Принадлежавшие частным фабрикам и заводам	
	крестьяне		Дворовые люди		Московское Человеколюбивое общество		Обельные крестьяне		На посессионном праве	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Архангельская										
Архангельский	-	-	6	13	-	-	-	-	-	-
Онежский	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
Итого	-	-	6	14	-	-	-	-	-	-
Всего	-	-	20		-	-	-	-	-	-
Вологодская										
Велико-Устюжский	10	14	30	47	-	-	-	-	-	-
Вологодский	33 930	36 939	1 667	1 755	-	-	-	-	-	-
Грязовецкий	14 083	15 277	1 043	1 171	-	-	-	-	-	-
Кадниковский	48 670	53 490	832	820	-	-	-	-	-	-
Никольский	1 359	1 499	41	52	-	-	-	-	-	-
Сольвычегодский	-	-	4	9	-	-	-	-	-	-
Тотемский	1 077	1 179	53	88	-	-	-	-	-	-
Усть-Сысольский	6	6	-	-	-	-	-	-	-	-
Яренский	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
Итого	99 135	108 404	3 670	3 943	535	591	-	-	691	808
Всего	207 539		7 613		1 126		-	-	1 499	
Олонецкая										
Вытегорский	1 984	2 230	83	100	-	-	-	-	-	-
Каргопольский	30	37	22	23	-	-	-	-	-	-
Лодейнопольский	2 803	2 954	232	211	-	-	-	-	-	-
Олонецкий	-	9	12	-	-	-	-	-	-	-
Петрозаводский	161	183	48	42	-	-	-	-	-	-
Повенецкий	36	56	-	-	-	-	30	31	-	-
Итого	5 014	5 469	397	376	-	-	79	126	-	-
Всего	10 483		773		-	-	205		-	-

Источники: [14, с. 18, 26, 28, 29, 34, 46, 47].

Примечание. Здесь и в табл. 2 «-» – сведения в источнике отсутствуют.

Sources. [14, p. 18, 26, 28, 29, 34, 46, 47].

Note: Here and in Table 2 «-» – no information in the source.

труде П. А. Колесников, представляя итоги X ревизии в северных губерниях. К примеру, по его подсчетам в первых двух и в последнем уездах крепостных душ мужского пола (далее – д.м.п.) было: 2003, 2796 и 34 соответственно [13, с. 342, 344]. Причина расхождений, по нашему мнению, обусловлена различием в выборе критериев классификации крепостного населения.

Итак, согласно материалам таблицы, в Архангельской губернии из крепостных числились только дворовые люди. Они представляли неоседлый класс помещичьих людей. Их отличительной чертой являлось то, что они не наделялись землей, а состояли с семьей на полном содержании владельца, который также платил за них государственные подати. В 1858 г. их насчитывалось 20 душ обоего пола и проживали они в Архангельском и Онежском уездах. При чем в последнем была зафиксирована лишь одна женщина. Принадлежали они трем беспоместным дворянам [14, с. 45].

В Вологодской и Олонецкой губерниях значительную часть рассматриваемой категории податного населения составляли крестьяне, находившиеся на общем крепостном праве. При этом их расселение по губерниям было неравномерное. Основной процент приходился на три юго-западных уезда Вологодской и два южных Олонецкой губерний. Их доля от общего числа помещичьих крестьян в Вологодском, Грязовецком и Кадниковском уездах составляла 97,5 % как среди мужского населения, так и среди обоих полов. Оставшиеся 2,5 % распределились по четырем уездам. В Вытегорском и Лодейнопольском уездах этот показатель равнялся 95,5 и 95,1 % соответственно. Но, в отличие от соседней губернии, здесь на оставшиеся четыре уезда приходилось 4,5 %. Аналогичная картина наблюдалась и в отношении дворовых людей, основная доля которых также приходилась на указанные пять уездов.

Следует подчеркнуть, что в первой половине XIX в. помещичьи крестьяне проживали в Вельском уезде. По данным VIII ревизии (1833), здесь их насчитывалось 10 218 ревизских душ, или 26 % от всего населения уезда [18, с. 69]. Распределялись они по 12 «помещичьим волостям», которые располагались компактной группой в его западной части, граничившей с Кадниковским уездом. Последнее обстоятельство, как считает П. П. Котов, послужило причиной перечисления их в 1851 г. в Кадниковский уезд. Более того, в результате территориальных преобразований в состав крепостного населения были включены государственные крестьяне, совместно проживавшие с помещичьими в шести селениях и двух казенных деревнях [подробнее см.: 18].

В то же время ряд представленных в таблице данных требует дополнительного изучения и перепроверки с привлечением иных источников. Во-первых, это касается численности дворовых людей в Сольвычегодском и Яренском уездах, так как непосредственно помещичьих имений, судя по показателю «помещичьи крестьяне», здесь не располагалось. Во-вторых, относительно 12 д.м.п. и душ женского пола (далее – д.ж.п.), принадлежавших помещикам в Усть-Сысольском уезде. Заметим, что

в 1861 г. Вологодский губернатор В. Ф. Пфелер касаясь этой территории упоминает только приписанных к заводам крепостных крестьян: «Равным образом утверждены проекты образования волостей в Яренском и Устьсысольском уездах, где есть заводские крестьяне, на которых также распространяется положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» [19, л. 8 об.]. В-третьих, о численности обельных крестьян. Обельные вотчинники, относившиеся к семейству Ключаревых, проживали в Челмужском погосте Повенецкого уезда Олонецкой губернии. А. Тройницкий в содержательной части труда указывает, что к середине XIX в. их насчитывалось 31 д.м.п. и 30 д.ж.п., что в сумме составляет 61 чел. [14, с. 18]. Однако в опубликованных им далее статистических таблицах мы видим совершенно иные цифры – 79 д.м.п. и 126 д.ж.п. Хотя здесь он и поясняет, что в их состав включены дворовые люди: 1 д.м.п. и 5 д.ж.п., но это не соответствует ранее озвученным данным. В то же время, по сведениям губернатора А. А. Философова, у Ключаревых числилось по X ревизии 80 душ обельных крестьян [20, л. 1]. Допускаем, что А. Тройницкий включил в статистические таблицы всех обельных крестьян губернии. В частности, он указал, что, помимо Повенецкого уезда, они проживали в Вытегорском и Петрозаводском уездах и никому не принадлежали, а были причислены к свободным сельским обывателям [14, с. 19].

Согласно материалам таблицы, в Вологодской губернии крепостных насчитывалось 217 777 душ обоего пола и 11 461 душа – в Олонецкой губернии. В каждом регионе имелись помещичьи крестьяне, находившиеся на общем крепостном праве, в то время как остальные категории податного населения проживали исключительно в одной губернии. Согласно представленным материалам, они распределялись следующим образом: в первом регионе 95,3 % составляли помещичьи крестьяне; 3,5 – дворовые люди; 0,5 – крепостное население, принадлежавшее Московскому Человеколюбивому обществу, и 0,7 % – приписанные к заводам. Во втором регионе 91,5 % – помещичьи крестьяне; 6,7 – дворовые люди и 1,8 % – обельные крестьяне. Заметим, что выведенные показатели отражают общую картину распределения крепостного населения по северным губерниям. Однако их нельзя считать идеальными, так как они могут варьировать в зависимости от привлекаемых источников.

В частности, интересующая нас информация содержится в делопроизводственной документации губернских институтов власти. В отличие от труда А. Тройницкого, в них представлены ограниченные статистические данные. В статистической таблице отражены цифры, выявленные в процессе изучения переписки Олонецкого и Вологодского губернаторов с Земским отделом МВД по вопросу формирования мировых участков в уездах с малым количеством крепостных. Обращает на себя внимание, что региональная власть, в отличие от ЦСК, оперировала фактами о наличии только мужского населения, т. е. ревизской душой. В то же время часть сведений в этих источниках раскрыта более подробно. Так, губернаторы расписали количество крестьян, приписанных к частным

Таблица 2
Численность крепостных в 1858 году в Вологодской и Олонецкой губерниях по данным делопроизводственной документации

Table 2
The number of serfs in 1858 in the Vologda and Olonets provinces according to records

Губерния / уезд	Категории крепостных крестьян (д.м.п.)		
	Помещичьи крестьяне	Принадлежащие частным заводам	Обельные крестьяне
Вологодская			
Велико-Устюгский	19	-	-
Никольский	1365	-	-
Тотемский	1165	-	-
Усть-Сысольский	-	195	-
Яренский	-	495	-
Всего	2549	690	-
Олонецкая			
Вытегорский	2077	-	-
Лодейнопольский	3086	-	-
Петрозаводский	193	-	-
Повенецкий	36	-	80
Всего	до 5450	-	80

Источники: [17, л. 1, 8 об., 9, 42 об., 43; 20, л. 1].
Sources: [17, l. 1, 8 ob., 9, 42 ob., 43; 20, l. 1].

заводам, и указали уезд проживания обельных крестьян. Следует отметить, что, согласно сведениям В. Ф. Пфелера, из трех железоделательных предприятий Усть-Сысольского уезда крепостные были на Кажимском и Нювчимском заводах, а на Нючпаском – отсутствовали [19, л. 30].

Несмотря на то, что поступавшие в ЦСК результаты ревизии населения проверялись и в случае обнаружения ошибок исправлялись, губернаторы зачастую оперировали иной статистикой, которая пусть незначительно, но отличалась от официальной. Сопоставление материалов статистических таблиц показало несовпадение данных по всем уездам, кроме Повенецкого. Так, в процессе изучения документации Олонецкого губернатора А. А. Философова было выявлено несоответствие в показателях временно-обязанных крестьян в Петрозаводском и Повенецком уездах. В отношении от 15 апреля 1861 г., направленном в МВД, он указал, что в Петрозаводском и Повенецком уездах «вместе взятых всех временно-обязанных крестьян числится по 10 ревизии 228 душ» [17, л. 7]. В документе, отсланном в то же министерство 7 июня 1861 г., уточнялось, что в первом уезде числилось 193 д.м.п., а во втором – 36 [20, л. 1], т. е. в сумме – 229 душ. Как видим, разница – минимальная. Возможно, выявленная погрешность связана с элементарной ошибкой, допущенной во время написания документа. Но встречались и значительные расхождения. Например, показатели по Тотемскому уезду разнились на 88 душ; а по В.-Устюгскому – на 9. Поэтому достоверность представлявшихся местными властями сведений заслуживает дополнительной проверки. В целом, делопроизводственной документацией подтверждается общая картина размещения крепостного населения по уездам северных губерний. Сопоставление же материалов обеих

таблиц позволяет судить, что губернские власти оперировали завышенными данными о крепостных в регионе.

Основываясь на материалах табл. 1 и привлекая отдельные сведения из табл. 2, автор постарался определить долю крепостных среди всего сельского населения в уездах. Результаты этой работы отражены в табл. 3. Прежде чем охарактеризовать их, дадим несколько пояснений. Во-первых, общая численность сельского населения по первым двум губерниям представлена согласно подсчетам Д. И. Пинаевского, а по третьему региону – по Памятной книжке. В обоих трудах авторами были использованы источники за 1858 г. Во-вторых, в графе «Всего по губернии», столбец «Общая численность...» указана суммарная цифра по всем уездам региона, а не только представленным в таблице. В-третьих, при вычислении доли крепостных в уездах Вологодской губернии не учтены крестьяне, принадлежавшие Московскому Человеколюбивому обществу, так как автор не обладает точными сведениями, на каких территориях они обитали. В свою очередь, они охвачены при рассмотрении итоговых показателей по региону. В-четвертых, в расчеты по Усть-Сысольскому и Яренскому уездам включены показатели о крепостных, принадлежавших местным заводам, представленным в табл. 2, т. е. в количестве 690 ревизских душ. В-пятых,

Таблица 3
Доля крепостного населения в губерниях Европейского Севера России в 1858 году

Table 3
Share of serf population in the provinces of the European North of Russia in 1858

Губерния / уезд	Общая численность сельского населения, чел.	Численность крепостных, чел.	Доля крепостных, %
Архангельская			
Архангельский	43 496	19	0,04
Онежский	30 382	1	0,003
Всего по губернии	256 568	20	0,01
Вологодская			
Велико-Устюгский	97 716	101	0,1
Вологодский	133 243	74 291	55,8
Грязовецкий	83 665	31 574	37,7
Кадниковский	137 600	103 812	75,4
Никольский	114 802	2951	2,6
Сольвычегодский	82 187	13	0,02
Тотемский	103 556	2397	2,3
Усть-Сысольский	66 398	207	0,3
Яренский	33 517	496	1,5
Всего по губернии	926 813	217 777	23,5
Олонецкая			
Вытегорский	35 665	4397	12,3
Каргопольский	61 517	112	0,2
Лодейнопольский	33 095	6200	18,7
Олонецкий	32 654	21	0,06
Петрозаводский	55 555	434	0,8
Повенецкий	24 746	153	0,6
Всего по губернии	270 217	11 461	4,2

Источники: [5, с. 73–74; 21].
Sources: [5, p. 73–74; 21].

по Повенецкому уезду численность крепостных указана совместно с 80-ю душами обельных крестьян, отраженными в документах губернатора, а не с 61-й душой обоего пола, фигурировавшей в труде А. Тройницкого. Однако при подсчете всех крепостных по Олонецкой губернии относительно этой категории податного населения использованы материалы табл. 1, т. е. 205 душ.

Таким образом, по причине отсутствия целостной информации в труде А. Тройницкого, для реализации поставленной задачи автор привлек материалы делопроизводственной переписки. Последняя позволила дополнить возникшие лакуны. Однако она отличалась по критериям распределения крепостного населения по уездам. Учитывая эти обстоятельства, автор прибегнул к разным подходам в подсчете доли крепостных. В итоге отраженные в табл. 3 результаты, как и в случае с ранее произведенными расчетами распределения крепостных по категориям, нельзя считать идеальными величинами. Несмотря на это, они позволяют судить об общей картине процентной составляющей количества анализируемого податного населения по уездам регионов Европейского Севера России.

Итак, наивысший показатель фиксировался в Вологодской губернии, достигая 23,5 % среди всего сельского населения. В Олонецкой губернии он являлся более чем в пять раз меньше соседнего региона: 4,2 %, а в Архангельской и вовсе составлял около 0,01 %. Наибольшая концентрация приходилась на Кадниковский уезд, где крепостные составляли ¾ населения (75,4 %), в Вологодском – более половины сельских жителей (55,8 %), а в Грязовецком – более 1/3 (37,7 %). В Никольском, Тотемском и Яренском уездах их доля варьировала от 1,5 до 2,6 %, а в Усть-Сысольском и Сольвычегодском – не достигала и 1 %. По Олонецкой губернии цифры выглядели скромнее. Больше всего их было сосредоточено в Лодейнопольском уезде (18,7 %), в Вытегорском к ним причислялись 12,3 % сельского населения, а в оставшихся четырех уездах этот показатель не превышал и 1 %. Таким образом, доля крепостного населения в уездах северных губерний соответствовала прямо пропорционально увеличению в них их общей численности.

Подводя общий итог, отметим, что в целом исследование подтвердило представленную ранее точку зрения авторов коллективного труда «История северного крестьянства». Накануне отмены крепостного права основная концентрация крепостного населения наблюдалась в Вологодской губернии, в то время как в Архангельской оно практически отсутствовало. Наивысший процент их (более 95 %) был сосредоточен в трех юго-западных уездах Вологодской и двух южных уездах Олонецкой губерний. Оставшаяся часть была разбросана по шести уездам первого и четырем уездам второго регионов. Среди крепостных здесь существенно преобладали помещичьи крестьяне и дворовые люди. Помимо них X ревизией в Вологодской губернии были зафиксированы податные лица, принадлежавшие Московскому Человеколюбивому обществу и частным заводам, а в Олонецкой – обельные крестьяне.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе (Далее – ПСЗРИ-2). Т. 36. Ч. 1. 1861 – Санкт-Петербург : Тип. II Отд. с.е.и.в.к., 1863. – № 36657. – С. 147–155.
2. ПСЗРИ-2. Т. 36. Ч. 1. 1861. – Санкт-Петербург : Тип. II Отд. с.е.и.в.к., 1863. – № 36660. – С. 202–218.
3. Попов, С. А. Организация мировых участков на Европейском Севере России в 1861 году / С. А. Попов // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2023. – № 5 (63). – С. 98.
4. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1181. Оп. 2. Д. 17.
5. Пинаевский, Д. И. Народонаселение Европейского Севера России во второй половине XIX–начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Дмитрий Иванович Пинаевский; Сыктывкарский гос. ун-т. – Сыктывкар, 1999. – 230 с.
6. Вишнякова, Д. В. Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX–начале XX в. / Д. В. Вишнякова. – Сыктывкар, 2012. – 164 с.
7. Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Очерки истории народонаселения / отв. ред. В. В. Фаузер. – Сыктывкар, 2006. – 184 с.
8. Жеребцов, И. Л. Сельское население Коми в середине XIX–XX в.: расселение, состав, численность / И. Л. Жеребцов, В. В. Фаузер, Е. Н. Рожкин [и др.]. – Сыктывкар, 2005. – 220 с.
9. Филиппов, Р. В. Реформа 1861 г. в Олонецкой губернии / Р. В. Филиппов. – Петрозаводск : Государственное изд-во Карельской АССР, 1961. – С. 32, 41–42.
10. Трунина, Е. А. Административно-территориальное устройство, состав населения, социально-экономическое состояние Вологодской губернии накануне реформ Александра II / Е. А. Трунина // Историческое краеведение и архивы: материалы межрегиональной научной конференции. 15 марта 2007 г. Вып. 14 / под ред. А. В. Камкина. – Вологда, 2007. – С. 85–86.
11. Котов, П. П. Удельные крестьяне на Европейском Севере России: размещение и демографические процессы / П. П. Котов // Ученые записки Петрозаводского университета. – 2013. – № 1 (130). – С. 18–22.
12. Попов, С. А. Крестьянское самоуправление в Вологодской губернии (вторая половина XIX–начала XX века) / С. А. Попов. – Сыктывкар, 2016. – С. 30–33.
13. Колесников, П. А. Северная деревня в XV–первой половине XIX века / П. А. Колесников. – Вологда : Северо-западное кн. изд-во, 1976. – 416 с.
14. Крепостное население в России по 10-й народной переписи. Статистическое исследование А. Тройницкого. – Санкт-Петербург : Тип. Карла Вульфа, 1861. – VIII. 93 с.
15. Пархоменко, А. А. Развитие ревизского учета населения в XIX веке (на материалах Курского края) / А. А. Пархоменко // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2014. – № 4 (32). – С. 44–47. – URL: <https://>

elibrary.ru/download/elibrary_22633692_20071389.pdf (дата обращения: 18.06.2024).

16. История северного крестьянства. Т. 2. Период капитализма / гл. ред. Ю. А. Поляков. – Архангельск : Северо-западное кн. изд-во, 1985. – С. 12, 13.
 17. РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1861. Д. 6.
 18. Котов, П. П. Изменение границ Вельского и Кадниковского уездов Вологодской губернии в середине XIX века / П. П. Котов // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2019. – № 3 (39). – С. 65–71.
 19. РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1861. Д. 30.
 20. РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1861. Д. 38.
 21. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1860 год. Год четвертый. – Петрозаводск : Губернская тип., 1860. – С. 247.
- ## References
1. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie Vtoroe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire] (hereinafter – PSZRI-2). Vol. 36. Part. I. 1861. – St. Petersburg: Typography of the II Dept. of Her Imperial Majesty's Chancellery, 1863. – № 36657. – P. 147–155.
 2. PSZRI-2. Vol. 36. Part. I. 1861. – St. Petersburg: Typography of the II Dept. of Her Imperial Majesty's Chancellery, 1863. – № 36660. – P. 202–218.
 3. Popov, S. A. Organizacija mirovyh uchastkov na Evropejskom Severe Rossii v 1861 godu [Organization of conciliators districts in the European North of Russia in 1861] / S. A. Popov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. – 2023. – № 5 (63). – P. 98.
 4. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (hereinafter – RGIA). F. 1181. Op. 2. D. 17.
 5. Pinaevsky, D. I. Narodonaselenie Evropejskogo Severa Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Population of the European North of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries]: diss. ... Cand. Sci. (History): 07.00.02 / Dmitry Ivanovich Pinaevsky; Syktyvkar State Univ. – Syktyvkar, 1999. – 230 p.
 6. Vishnyakova, D.V. Etnodemograficheskie processy v Komi krae v XIX – nachale XX v. [Ethno-demographic processes in the Komi territory in the XIX – early XX centuries] / D. V. Vishnyakova. – Syktyvkar, 2012. – 164 p.
 7. Etnicheskij faktor v demograficheskom razvitii Respubliki Komi (seredina XIX – nachalo XXI veka). Oчерki istorii narodonaselenija [Ethnic factor in the demographic development of the Komi Republic (mid XIX – early XXI century). Essays on the history of population] / Ed. V.V. Fauzer. – Syktyvkar, 2006. – 184 p.
 8. Zherebtsov, I. L. Sel'skoe naselenie Komi v seredine XIX – XX v.: rasselenie, sostav, chislennost' [Rural population of Komi in the mid-XIX – XX centuries: settlement, composition, number] / I. L. Zherebtsov, V. V. Fauzer, E. N. Rozhkin, D. V. Vishnyakova. – Syktyvkar, 2005. – 220 p.
 9. Filippov, R. V. Reforma 1861 g. v Olonetskoj gubernii [The reform of 1861 in the Olonets province] / R. V. Filippov. – Petrozavodsk: State Publishing House of Karelian ASSR, 1961. – P. 32, 41–42.
 10. Trunina, E. A. Administrativno-territorial'noe ustrojstvo, sostav naselenija, social'no-jekonomicheskoe sostojanie Vologodskoj gubernii nakanune reform Aleksandra II [Administrative-territorial structure, population composition, social and economic state of the Vologda Province on the eve of the reforms of Alexander II] / E. A. Trunina // Istoricheskoe kraevedenie i arhivy [Historical local lore and archives]: materials of the interregional sci. conf. March 15, 2007. Issue 14 / Ed. A.V. Kamkin. – Vologda, 2007. – P. 85–86.
 11. Kotov, P. P. Udel'nye krest'jane na Evropejskom Severe Rossii: razmeshhenie i demograficheskie processy [Tsar family peasants in the European North of Russia: distribution and demographic processes] / P. P. Kotov // Uchenye zapiski Petrozavodskogo universiteta [Sci. notes of Petrozavodsk State Univ.]. – 2013. – № 1 (130). – P. 18–22.
 12. Popov, S. A. Krest'yanskoe samoupravlenie v Vologodskoj gubernii (vtoraya polovina XIX – nachala XX veka) [Peasant self-government in the Vologda province (second half of the XIX – early XX century)] / S. A. Popov. – Syktyvkar, 2016. – P. 30–33.
 13. Kolesnikov, P. A. Severnaya derevnya v XV – pervoi polovine XIX veka [Northern village in the XV – first half of the XIX century] / P. A. Kolesnikov. – Vologda: North-Western Book Publ. House, 1976. – 416 p.
 14. Krepostnoe naselenie v Rossii po 10-i narodnoi perepisi. Statisticheskoe issledovanie A. Troinitskogo [Serf population in Russia according to the 10th national census. Statistical study by A. Troinitsky]. – St. Petersburg: Karl Wolfe Publ. House, 1861. – VIII. 93 p.
 15. Parkhomenko, A. A. Razvitie revizskogo ucheta naselenija v XIX veke (na materialah Kurskogo kraja) [Development of the revision register of the population in the XIX century (on the materials of the Kursk region)] / A. A. Parkhomenko // Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta [Sci. Notes. Electronic Sci. J. of Kursk State Univ.]. 2014. – № 4 (32). – P. 44–47. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22633692_20071389.pdf (accessed: 18.06.2024).
 16. Istorija severnogo krest'janstva [History of northern peasantry]. Vol. 2. Period of capitalism / Ed. Yu. A. Pol'yakov. – Arkhangelsk: North-Western Book Publ. House, 1985. – P. 12, 13.
 17. РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1861. Д. 6.
 18. Котов, П. П. Изменение границ Вельского и Кадниковского уездов Вологодской губернии в середине XIX века [Change of boundaries of the Velsk and Kadnikovsk uyezds of the Vologda province in the mid-XIX century] / P. P. Kotov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. – 2019. – № 3 (39). – P. 65–71.
 19. РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1861. Д. 30.
 20. Ibid. Ф. 1291. Оп. 36. 1861. Д. 38.
 21. Pamyatnaya knizhka Olonetskoj gubernii na 1860 god [Memorable book of the Olonets province for 1860]. 4-th Year. – Petrozavodsk: Provincial Printing House, 1860. – P. 247.

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Acknowledgements (state task)

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS.

Информация об авторе:

Попов Сергей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID 0009-0009-4181-9577 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: serj_popov@mail.illhkomisc.ru).

Author:

Sergei A. Popov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, ORCID 0009-0009-4181-9577 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation (e-mail: serj_popov@mail.illhkomisc.ru).

Для цитирования:

Попов, С. А. Численность и размещение крепостных крестьян на Европейском Севере России в конце 1850-х годов / С. А. Попов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 10 (76). – С. 18–25.

For citation:

Popov, S. A. The number and location of serfs in the European North of Russia in the late 1850-s / S. A. Popov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical Demography". – 2024. – No. 10(76). – P. 18-25.

Дата поступления статьи: 14.10.2024

Прошла рецензирование: 17.10.2024

Принято решение о публикации: 12.12.2024

Received: 14.10.2024

Reviewed: 17.10.2024

Accepted: 12.12.2024